

ЭКСПЕДИЦИИ

М.А. Бакушев,
М.С. Гаджиев,
В.Ю. Малашев,
А.И. Таймазов

**СЕЛЕНИЕ КАПЧУГАЙ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ
И НЕКОТОРЫЕ ФОЛЬКЛОРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ**

Окрестности несуществующего ныне селения Капчугай (кум. Къапчыгай, ног. Капшыгай) Кумторкалинского района РД изобилуют археологическими памятниками, относящимися к различным историческим эпохам, охватывающим хронологический диапазон от неолита до средневековья включительно. Это и поселения, и могильники, и наскальные изображения (*Исаков М.И.*, 1966. С. 46; *Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. С. 135). Наличие значительного количества памятников в районе этого старинного селения обусловлено благоприятными условиями для жизнедеятельности – это и наличие водных источников (прежде всего, р. Шура-озень), и сельскохозяйственные угодья, и, конечно, выгодное стратегическое положение – здесь расположен один из разрывов в системе передового горного хребта Накала-Алсу, входящего в систему хребта Нарат-гюбе, который разделяет равнинный и предгорный Дагестан и через который проходили древние пути, связывавшие эти историко-географические области.

В начале 1950-х гг. серию памятников здесь открыл В.И. Марковин, который в качестве приоритетной деятельности вел поиски наскальных рисунков (*Марковин В.И.*, 1953. С. 2; 1954. С. 38; 2006. С. 120). Им, очевидно, вместе с краеведом, автором книги «Археологические памятники Дагестана» М.И. Исаковым, который также посещал эти места в то время, были выявлены и интересующие нас Капчугайское 3-е поселение (Айсул-Ахмат-кала) и могильник у его подножия (*Исаков М.И.*, 1966. С. 47). Это произошло, по всей видимости, в 1951 г., т.к. этим годом датируется акварельный рисунок В.И. Марковина «У сел. Капчугай», изображающий территорию могильника с одинокой стелой и хранящийся сейчас в Дагестанском музее изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой в Махачкале (Рис. 1).

Спустя 13 лет этот район вновь стал объектом археологических разведок: в 1964 г. экспедицией под руководством В.Г. Котовича здесь был выявлен ряд археологических памятников, в т.ч. было повторно открыто и поселение Айсул-Ахмат-кала (вар. Айсулаамат-кала – «крепость Айсуламата (Айсул-Ахмата)»), а также связанный с ним могильник (*Котович В.Г. и др.*, 1964. С. 63–65) (Рис. 2). Экспедицией были зафиксированы остатки древней дороги, прорубленной над западным берегом р. Шура-озень по карнизу песчаниковых скал и выводящей к остаткам сторожевой башни и оборонительной стены. В.Г. Котович, на основании найденного на территории поселения подъемного керамического материала, включающего фрагменты красноангобированных, красноглиняных и сероглиняных с заглаженной поверхностью сосудов, тарных штрихованных и столовых глазурованных изделий, выделил два периода активного функционирования поселения: V–VII вв. и XI–XIII вв. н.э. (*Котович В.Г. и др.*, 1964. С. 63–65).

Повторное открытие памятника, очевидно, было связано с тем, что книга М.И. Исакова, в которой был опубликован реестр известных на тот момент археологических памятников, вышла двумя годами позже – в 1966 г. (*Исаков М.И.*, 1966. С. 47). Однако, в вышедшей в 1993 г. «Археологической карте Дагестана» поселение Айсул-Ахмат-кала / Айсулаамат-кала было занесено в список памятников Буйнакского района и как «Капчугайское 3-е поселение» (№ 257 – со ссылкой на М.И. Исакова), и как «Капчугайское городище» (№ 254 – со ссылкой на В.Г. Котовича) (*Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. С. 135). Во избежание этой путаницы считаем правильным использовать его историческое название – Айсул-Ахмат-кала (вар. Айсулаамат-кала).

Отметим, что собственно под этим названием значится у местного населения лишь одна крупная скала, расположенная над р. Шура-озень на ее левом берегу в месте разрыва хребта, на которой, по преданиям, находилось укрепление (кала). В кратких описаниях М.И. Исакова и В.Г. Котовича оно было перенесено и на расположенное рядом поселение.

В 2007 г. Дагестанская новостроечная экспедиция (рук.: М.С. Гаджиев), проводя обследование вдоль проектируемой ВЛ 330 кВ, осмотрела территорию поселения и могильника,

провела фотофиксацию, собрала подъемный материал (*Гаджиев М.С.*, 2008. С. 4). В 2011 г. новостроечной экспедицией (рук.: В.Ю. Малашев; исп.: М.А. Бакушев) на могильнике был заложен небольшой разведочный раскоп. Наконец, в 2012 г. в рамках мониторинга объектов археологического наследия (рук.: М.С. Гаджиев; исп.: А.И. Таймазов) Капчугайское городище было вновь обследовано.

Поселение находится на левом берегу р. Шура-озень там, где река разрывает хребет Накала-Алсу, в 800 м к северу от развалин селения Капчугай, в седловине названного хребта в естественно-укрепленном месте. С северной стороны оно защищено скалами хребта Накала-Алсу и высокими крутыми обрывами, с востока – скальной горой Айсул-Ахмат-кала, с запада – крутым склоном. Доступ на поселение был только с южной стороны. Остатки системы оборонительных стен, упоминаемые в отчете 1964 г. (*Котович В.Г. и др.*, 1964. С. 63–64), в настоящее время не прослеживаются. По крайней мере, те слабо фиксируемые ныне следы стен в виде развалов и участков длиной до 3 м, следующие с учетом рельефа местности по направлению запад–восток у подножия хребта и в седловине, не могут быть однозначно приняты за оборонительные. Площадь поселения составляет около 80 тыс. кв. м. Поверхность его задернована, покрыта степной растительностью, обнажения культурного слоя не выявлены. Следы перекопов или каких-либо других антропогенных и природных разрушений на нем отсутствуют. На поселении повсеместно встречаются фрагменты разновременной керамики. Наибольшая их концентрация наблюдается на южных подступах к поселению. Подъемный керамический материал отражает в принципе те же технологические и хронологические группы посуды, что и выделенные при работах 1964 г. Это бежевоглиняная красноангобированная, сероглиняная, красноглиняная и глазурованная керамика, представляющая две хронологические группы. Хроноиндикаторами выступают красноангобированная керамика, укладываемая в рамки I–VI вв. и особенно характерная для III–V вв. (*Гаджиев М.С.*, 1998), и поливная керамика, представленная, в частности, фрагментами красноглиняных чаш с гравировкой по белому ангобу под зеленой глазурью, типичных для IX–XII вв., и с глухой голубой поливой по белому ангобу, появляющихся в предмонгольский период, но характерных для золотоордынской эпохи. Эти данные позволяют скорректировать предложенную В.Г. Котовичем датировку выделенных двух этапов существования поселения Айсул-Ахмет-кала в рамках III–VI вв. и X–XIV вв. Однако, окончательный ответ о времени и периодах функционирования памятника могут дать его стационарные исследования.

По местным преданиям, полученным в 2007 г. (информатор: Мурзабек Бексултанов – житель с. Учкент, выходец из с. Капчугай), это поселение, являющееся старым Капчугаем, было разрушено известным завоевателем Тимуром (Тамерланом) (вероятно, во время его похода 1396 г.), после чего селение и кладбище прекратили существование. А название скалы Айсуламет (вариант М. Бексултанова), рядом с которым находится поселение, происходит якобы от имени одного из последних защитников аула, не сдавшегося врагам и бросившегося со скалы, которая впоследствии получила его имя.

Имеются и другие версии происхождения этого названия. Так, известный краевед Б.И. Гаджиев в своей книге «Дагестан в историях и легендах» приводит легенду, записанную у Зайнутдина Лаварсанова – одного из старейших жителей с. Капчугай, о том, что название скалы происходит от имён Ахмат и Айсу, местного парня и дочери ногайского хана, влюбленных друг в друга и бросившихся со скалы во время преследования их военным отрядом, посланным в погоню отцом Айсу (*Гаджиев Б.И.*, 1965. С. 57). Здесь же мы встречаем ещё один вариант названия скалы и поселения – Ахмат-Айсу-кала. Эта легенда была зафиксирована и в 2012 г. (информатор: Набиюлла Курбанов – житель с. Учкент, выходец из с. Капчугай), в которой имя девушки немного изменено (Айсул) и по которой влюбленные бросились со скалы на коне. В народе используется и короткая форма названия скалы – Айсу-кала («крепость Айсу»), а в кумыкском фольклоре фигурирует «скала Амита и Айсыла», в котором имена представлены в ногайской форме (*Аджиев А.М.*, 1983. С. 103) (выражаем искреннюю благодарность Г.М.-Р. Оразаеву за предоставленную информацию). Несмотря на фольклорные и диалектические вариации, различия в легенде, можно уловить и много общего. Это касается названия скалы, произошедшего от имен Ахмет/Ахмат/Амит и Айсу/Айсул, и некоторых деталей предания (окруженное войском скала/поселение, бросок со скалы).

Особый интерес вызывает информация, содержащаяся в «Прошении кумыкских ногайцев», поданном в Комитет, учрежденный для определения личных и поземельных прав населения Кумыкского округа Терской области в 1860 г. о том, что некогда «в Капшыгае жил уйсунь (представитель одного из ногайских родов. – Авт.) Амет-батыр, сын Айсула» (*Оразаев Г.М.-Р.*,

2007. С. 214, 222), имя которого, очевидно, закрепилось в названии скалы у старого Капчугая. Эта же информация отражена в «Предании об Эрго Ахмеде, сыне Айсулу», записанном М.-Э. Османовым в 1860-х гг. (Османов М., 1883; Ананьев Г., 1909. С. 23–26).

Это имя фигурирует в ногайской эпической поэме/песне «Ахмет, сын Айсула» («Батыр Амит, сын Айсыла»), повествующей о событиях середины XIV в. и воспевающей подвиг героя-батыра – воина хана Джанибека (Янибека). В поэме представлен относительно близкий преданию сюжет, но, конечно, с большими подробностями, и хан Джанибек, под которым имеется в виду известный правитель Золотой Орды, обещает храбруцу-герою Амиту отдать в жены свою дочь Шаарбек/Шеербек, но затем решает отдать ее байскому сыну Темиру; влюбленная девушка убегает из отчего дома с храбрым Амитом (Антология дагестанской поэзии. 1980. С. 283–287; см. также: Сикалиев А.И., 2007).

Здесь следует обратить внимание на то, что имя Шеербек/Шаарбек также засвидетельствовано в исторических хрониках в форме Шакар-бек. Но только это имя, согласно сведениям Низам-ад-дина Шами и Шараф-ад-дина Йезди, носила не дочь Джанибека, а его сестра, дочь золотоордынского хана Узбека и супруга эмира Ак-Суфи / Юсуфа-Суфи, сына эмира Янгудая / Нангудая (The Zafarnamah..., 1887–1888; см. также: Низам ад-дин Шами. 1939).

Батыр Ахмат, сын Айсыла, представлен и в татарском дастане «Амет, сын Гайсы» («Амат, сын Айсы»), который рассматривают как фольклорную интерпретацию реальных исторических событий XIV в. (Урманчев Ф.И., 1984. С. 152; Закирова И.Г., 2011. С. 18–21) и одно из произведений цикла о ногайских богатырях (Жирмунский В.М., 1974. С.395). Татарская версия наиболее древняя, полная, пространная, имеет несколько иную сюжетную направленность и в ней шире представлены исторически засвидетельствованные имена. Особый интерес представляет то, что, как считал М.А. Усманов на основе сведений Ибн Баттуты (1304–1377) и Вассафы (XIV в.) (Тизенгаузен В.Г., 1884. С. 295–296; 1941. С. 83, 89), главный персонаж дастана Амет и его отец Айса также имели реальных исторических прототипов, причем Айса (в источниках – Иса-гурган, Иса-бек) приходился зятем хану Узбеку, т.е. Ахмат был сыном дочери хана Узбека, т.е. его внуком и племянником хана Джанибека, сыном его сестры (Усманов М.А., 1972. С. 115). В одном из списков этого дастана Амет и его сын Иса причислены к уйшинам (Мустакимов И.А., 2009. С. 124–125), что соответствует сведениям вышеприведенного «Прошения кумыкских ногайцев» о принадлежности Амет-батыра, сын Айсула к уйсуням.

Наконец, в одном из списков памятника татарской исторической литературы конца XVII в. «Дафтар-и Чингиз-наме» в числе «беков, бывших в эпоху хана Джанибека», фигурирует и Амет, сын уйшина Исы (Мустакимов И.А., 2009. С. 123–125), сопоставляемый с героем дастана. По мнению М.И. Ахметзянова, Амет являлся сыном Исы-бека – старшего брата золотоордынского темника Идегея/Эдигея, принадлежал к племени кият, но опирался на племя кунграт (Әхмәтжанов М.И., 2002. С. 101–102, 113 (на татар. яз.) – цит. по: Мустакимов И.А., 2009. С. 125).

Таким образом, в кумыкском предании, ногайской песне и татарском дастане фигурируют реальные исторические персонажи середины XIV в., но, конечно, с определенными фольклорными изменениями, трансформациями, с фольклорной интерпретацией исторических событий. Для нас важным представляется, что таковыми выступают главные персонажи бытующей и ныне кумыкской легенды, которая отражает бывшее знакомство с памятником ногайского и татарского песенно-прозаического фольклора. Обращает внимание близкая верхняя (правда, предварительная) дата Капчугайского поселения Айсул-Ахмат-кала ко времени жизни подлинных исторических лиц, фигурирующих в фольклоре.

Это далеко не единственный случай, когда в кумыкском фольклоре и топонимике отражены реальные исторические события и личности. В качестве ближайшей хронологической и историко-культурной параллели к рассматриваемой легенде можно указать на возможность происхождения названия селения Дженгутай (кум. Жюнгютей; расположено недалеко от сел. Капчугай), учитывая переход *дж-й* в тюркских языках (ср.: Джанибек – Йанибек), от имени эмира Янгудая (Янгудай), сын которого был женат на сестре Джанибека Шакар-бек, которая скрывается в кумыкском предании под именем Айсу/Айсул (см. выше).

Название селения Капчугай (кум. Къапчыгай, ног. Капшыгай), откуда родом рассматриваемая легенда и где расположен связанный с ней памятник археологии, имеет тюркское происхождение. Предложены различные версии его толкования, главным образом, носящие народный характер, но наиболее приемлемой является его этимология на основе тюрк. *капчагай* (вар. *капчыгай*, *капчугай*, *хапчагай*, *капсагай* и др.), что означает «каменная теснина, ущелье, проход, скалистая местность» и т.д. и полностью соответствует геоморфологическому положению памятника.

Южнее скальной гряды, на вершине которой, по преданиям располагалось старое селение Капчугай и возвышается скала Айсул-Ахмат-кала (Айсулаамат-кала), на относительно ровной местности, ограниченной с севера и юга оврагами, с запада – скальным гребнем, с востока – руслом р. Шура-озень расположен обследованный нами могильник. Памятник находится в 690 м к северу от недавно построенной мечети ныне восстанавливаемого сел. Капчугай (напомним, что сел. Капчугай было разрушено и оставлено после землетрясения 1970 г.; его обитатели вместе с жителями селений Ахатлы и Экибулак были переселены в новое образованное селение, получившее название тюрк. Учкент – «Три селения»).

Могильник вытянут по линии восток – запад и имеет размеры около 120x50 м. В восточной части его перерезает грунтовая дорога, на этом участке идущая параллельно р. Шура-озень (Рис. 3). Могильник включает в себя несколько десятков видимых могил, представляющих собой возвышающиеся надмогильные стелы из местного чокракского песчаника высотой от 30–40 см до 170 см, каменные прямоугольные и овальной формы оградки из длинных плит или выложенных на дневной поверхности камней и навалов камней, фиксирующих местонахождение погребений (Рис. 4, 5). Судя по их положению, могилы были ориентированы согласно мусульманским нормам по линии восток – запад, с установкой с западной стороны в изголовье надмогильных стел и камней. На могильнике встречена только одна обломанная прямоугольная хорошо обработанная стела с сохранившейся у ее основания заключительной частью врезной эпитафии, выполненной на арабском языке почерком *наسخ* в центральном поле стелы. По бокам плиты центральное поле с эпитафией было окаймлено орнаментальной полосой с рельефным растительным декором («вьюнок») (Рис. 5, 3). Обломок стелы находится *in situ* в изголовье каменной оградки в западной части могильника. Сохранившийся текст эпитафии гласит: «Хайдак, сын Таная» (чтение к.и.н. Ш. Сихалиева, ИИАЭ ДНЦ РАН). К сожалению, стела не содержит дату, а характер написания литер не позволяет определить более узкую хронологию памятника, нежели развитое и позднее средневековье. Но учитывая его территориальную связь с городищем Айсул-Ахмат-кала, можно предполагать их синхронность.

На кладбище в ходе его осмотра обнаружены фрагменты средневековой кружальной красноглиняной керамики, возможно, представляющей собой обломки керамических сосудов, устанавливаемых, по обычаю, над могилами у основания стел или надмогильных камней в изголовье захоронений. При этом не исключено, что на территорию могильника фрагменты попали с расположенного рядом поселения (Рис. 6, 8, 10–16). Но, вместе с тем, на территории кладбища найдены немалочисленные фрагменты керамических изделий, относящихся к гораздо более раннему времени, а именно, к албано-сарматской эпохе и самому началу раннего средневековья (Рис. 6, 1–7, 9, 18) Это группа лощеной красноангобириванной красно- и бежевоглиняной керамики, датируемой I–VI вв. н.э., среди которой представлены и характерные для III–V вв. н.э. кувшины с резко отходящим от тулова цилиндрическим горлом (Рис. 6, 6, 7). Обратим внимание и на красноангобириванную с бежевым тестом крышку, характерную для этого времени (Рис. 6, 18). Меньшим количеством представлены невыразительные обломки сероглиняной керамики (Рис. 6, 4, 5), также типичной для этого периода, среди которой имеется показательная ритуальная миска-фиал с полусферическим туловом и резко отогнутым бортиком, покрытым врезным линейным орнаментом, образующим треугольники (Рис. 6, 9). Подобные миски характерны для памятников Прикаспийского Дагестана I–II вв. н.э. (Бакушев М.А., Гаджиев М.С., 2011. С. 218. Рис. 5). Отметим, что на могильнике не зафиксированы следы культурного слоя, что позволило сделать предположение об образовании средневекового мусульманского кладбища на месте существовавшего здесь могильника албано-сарматского и гуннского периода, точнее, судя по подъемному материалу I–V(VI) вв. н.э. Таким образом, подъемный керамический материал с территории могильника относительно синхронен двум хронологическим группам керамического комплекса с территории городища.

На восточной окраине могильника, на площадке близ восточного берега реки Шура-озень, был заложен раскоп размером 4x4 м (Рис. 3). В результате работ были выявлены пять слоёв, имеющих геологическую природу и впущенная в них конструкция – комплекс 1 (Рис. 7). Он располагался на границе кв. А1 и Б1 и частично уходил в северный борт раскопа. На современной дневной поверхности над местом расположения комплекса 1 в пределах раскопа фиксировались отдельные камни (Рис. 7, 1). В процессе раскопок, на уровне второго пласта, на границе кв. А1 и Б1 (над комплексом 1) было обнаружено несколько мелких фрагментов сосудов, небольшой фрагмент железного предмета, неидентифицируемые мелкие фрагменты костей. Яма была зафиксирована лишь в придонной части; на более высоком уровне её контур можно было

определить только по конфигурации набросанных в неё камней (Рис. 7, 3). Заполнение ямы даже в придонной части незначительно отличалось от материкового грунта лишь несколько меньшим количеством карбонатных включений. Зафиксированная придонная часть ямы была овальной в плане формы, размерами 1,1x0,7 м, и ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ.

На глубине –154 см от нулевого репера раскопа на дне ямы зафиксирован ряд средних и мелких камней, между которыми находились фрагменты светлоглиняного ангобированного кувшинчика (Рис. 7, 2, 7). По всей видимости, сосуд был положен на лежавшие в яме мелкие камни (или обложен ими) и прикрыт сверху более крупным камнем.

Кувшинчик имел узкое плоское дно, сферическое тулово, плавно переходящее к цилиндрическому горлу с незначительно расширяющимся основанием (Рис. 7, 4). Прямоугольная в сечении ручка верхним прилепом крепится к середине горла, нижним – к основанию плечика. Сосуд изготовлен с использованием гончарного круга. Глина бежевого цвета с добавками измельченной сланцевой железистой породы. Снаружи сосуд покрыт ангобом коричневатокрасного цвета, а поверхность его залощена; ангоб сохранился плохо.

Интерпретация выявленного комплекса затруднена. Возможно, он представляет собой разрушенное (ограбленное) детское погребение (судя по размерам исследованной погребальной конструкции), но не исключено, что перед нами ритуальная яма (с положенным в нее кувшинчиком), связанная с отправлением погребального обряда, учитывая местонахождение комплекса на территории могильника. Верхний уровень ямы, маркированный камнями (см. выше), возможно, фиксирует древнюю дневную поверхность и указывал на местонахождение данного комплекса (Рис. 7, 1, 3). Датировка выявленного комплекса определяется по описанному выше кувшинчику и может быть обозначена в пределах IV–VI вв. н.э.

В заключении отметим, что район селения Капчугай, где сконцентрирована серия разновременных археологических памятников, представляет несомненный научный интерес, особенно в аспекте изучения функционирования древних путей, связывавших равнинный и предгорный Дагестан, и исследования памятников золотоордынской эпохи.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абакаров А.И., Давудов О.М.*, 1993. Археологическая карта Дагестана. М.
- Аджишев А.М.*, 1983. Кумыкская народная поэзия. Махачкала.
- Ананьев Г.*, 1909. Караногайцы и их предания // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 2. Ставрополь.
- Антология дагестанской поэзии. Т. I. Песни народов Дагестана. Составители К.И. Абуков, А.М. Вагидов, С.М. Хайбуллаев. Махачкала, 1980.
- Әхмәтжанов М.И.*, 2002. Нугай урдасы: татар халкынын тарихи мирасы. Казан.
- Бакушев М.А., Гаджиев М.С.*, 2011. О ритуальных сосудах Северо-Восточного Кавказа албано-сарматского времени. // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный-Москва.
- Гаджиев Б.И.*, 1965. Дагестан в историях и легендах. Махачкала.
- Гаджиев М.С.*, 1998. О хронологии красноангобированной керамики Северо-Восточного Кавказа // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Вопросы хронологии). Материалы II международной археологической конференции. Самара.
- Гаджиев М.С.*, 2008. Отчет о разведках в приморском Дагестане в 2007 г. // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3.
- Жирмунский В.М.*, 1974. Тюркский героический эпос. Л.
- Закирова И.Г.*, 2011. Народное творчество периода Золотой Орды: мифологические и исторические основы. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Казань.
- Ибрагимов Н.*, 1988. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.
- Исаков М.И.*, 1966. Археологические памятники Дагестана: Материалы к археологической карте. Сокращённый вариант. Махачкала.
- Котович В.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г.*, 1964. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции // РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 42.
- Марковин В.И.*, 1953. Археологические памятники в районе селения Капчугай // РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп. 3. Д. 8-а.
- Марковин В.И.*, 1954. Археологические памятники в районе с. Капчугай Дагестанской АССР // СА. Т. 20.

- Марковин В.И.*, 2006. Наскальные изображения предгорий Дагестана. М.
- Мустакимов И.А.*, 2009. Об одном списке «Дафтор-и Чингиз-наме» // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. статей. Вып. 1. Казань.
- Низам ад-дин Шами*, 1939. Книга побед. Зафар-наме // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М.
- Оразаев Г.М.-Р.*, 2007. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII–XIX вв. Махачкала.
- Османов М.* Кумыкско-ногайская хрестоматия. Изд-во Академии наук. СПб., 1883 (на кум. яз., аджам).
- Сикалиев А.И.*, 2007. Ногайский героический эпос (способы эпического изображения героев). Автореф. дис. ... канд. филол. Наук. Черкесск.
- Тизенгаузен В.Г.*, 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.–Л.
- Тизенгаузен В.Г.*, 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.
- Урманчиев Ф.И.*, 1984. Героический эпос татарского народа. Казань
- Усманов М.А.*, 1972. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань.
- The Zafarnamah by Maulana Sharafuddin Ali of Yazd. Ed. for the Asiatic Society of Bengal by Maulawí Muhammad Iahda. vol. 1–2. Calcutta, 1887–1888.

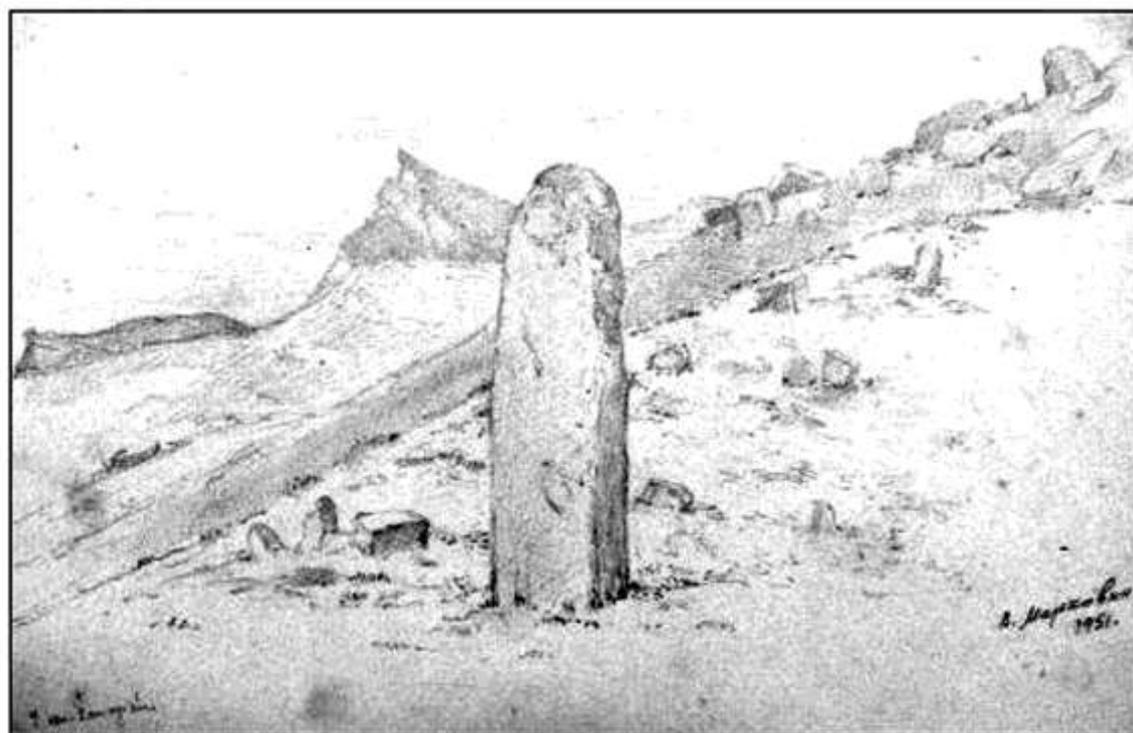

Рис. 1. Рисунок В.И. Марковина 1951 г. «У сел. Капчугай», на котором изображен могильник Айсул-Ахмат-кала.

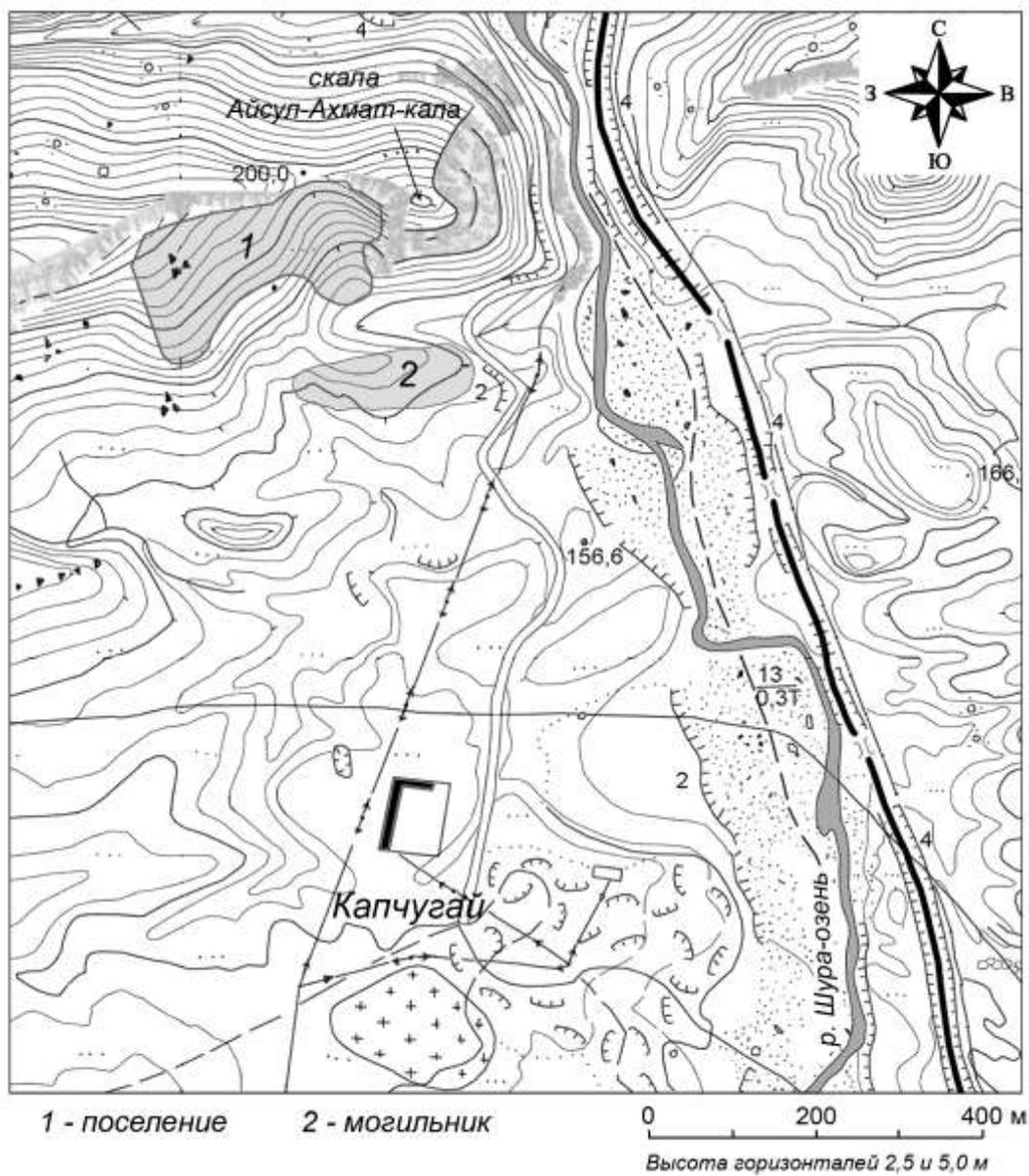

Рис. 2. Топографический план поселения и могильника Айсул-Ахмат-кала и окрестностей.

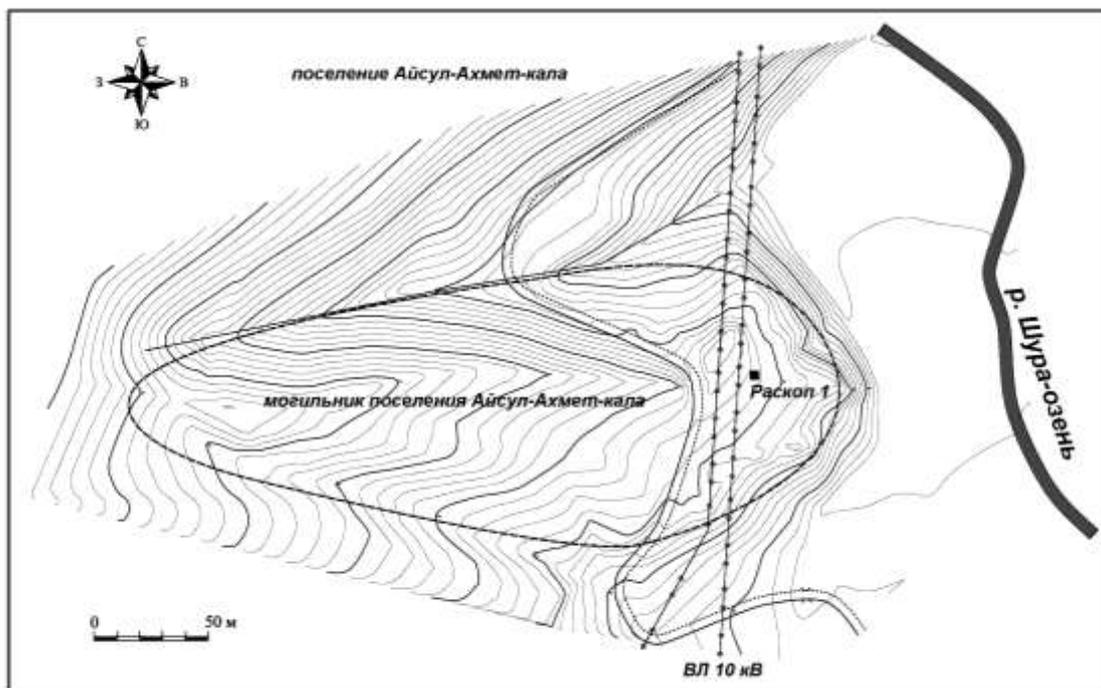

Рис. 3. Топографический план могильника Айсул-Ахмет-кала (инструментальная съёмка А.Б. Гаджиева).

Рис. 4. Общий вид с юга на могильник и скалу Айсул-Ахмет-кала (на заднем плане).

1

2

3

Рис. 5. Могильник Айсул-Ахмат-кала. Надмогильные памятники.

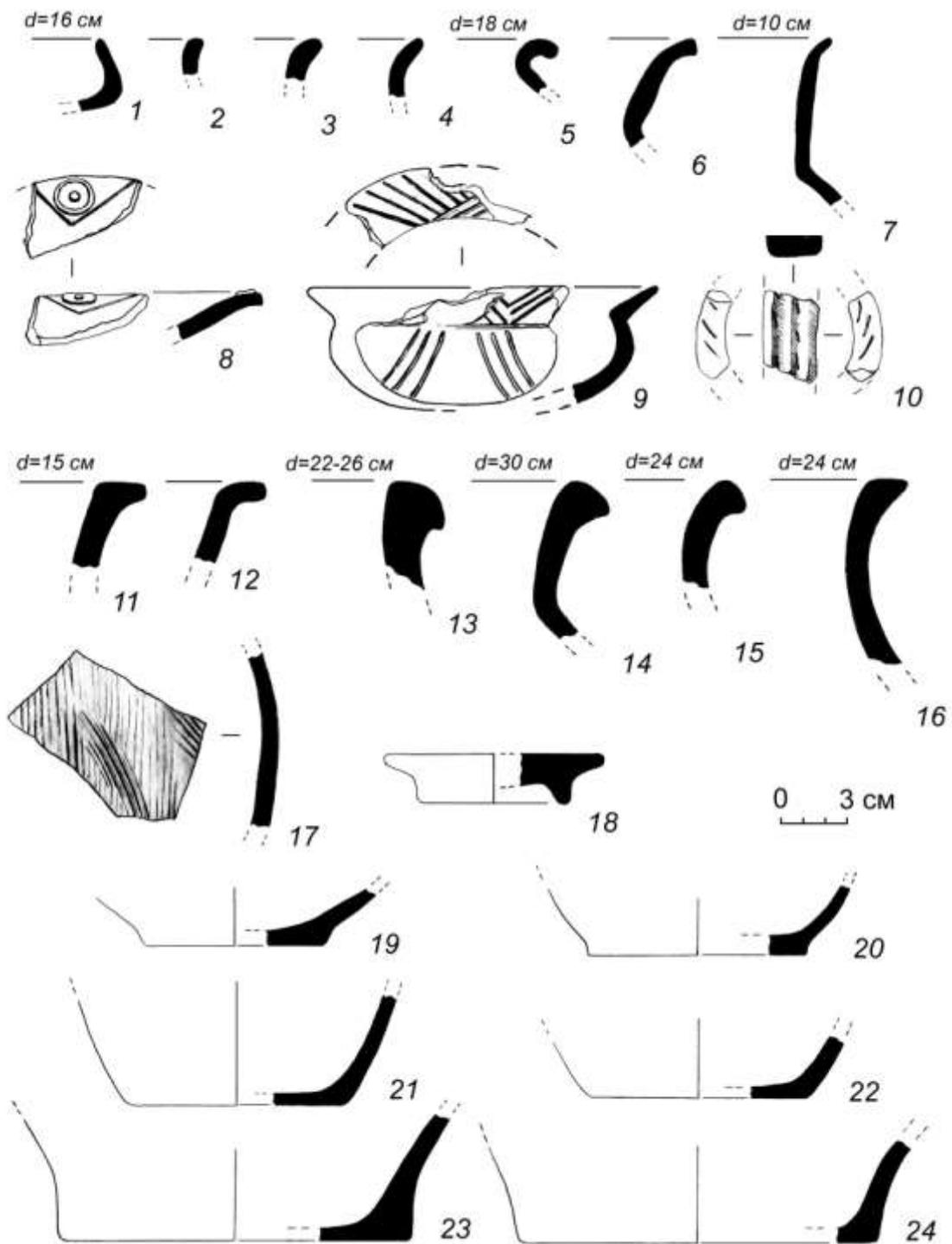

Рис. 6. Подъемная керамика с территории могильника.

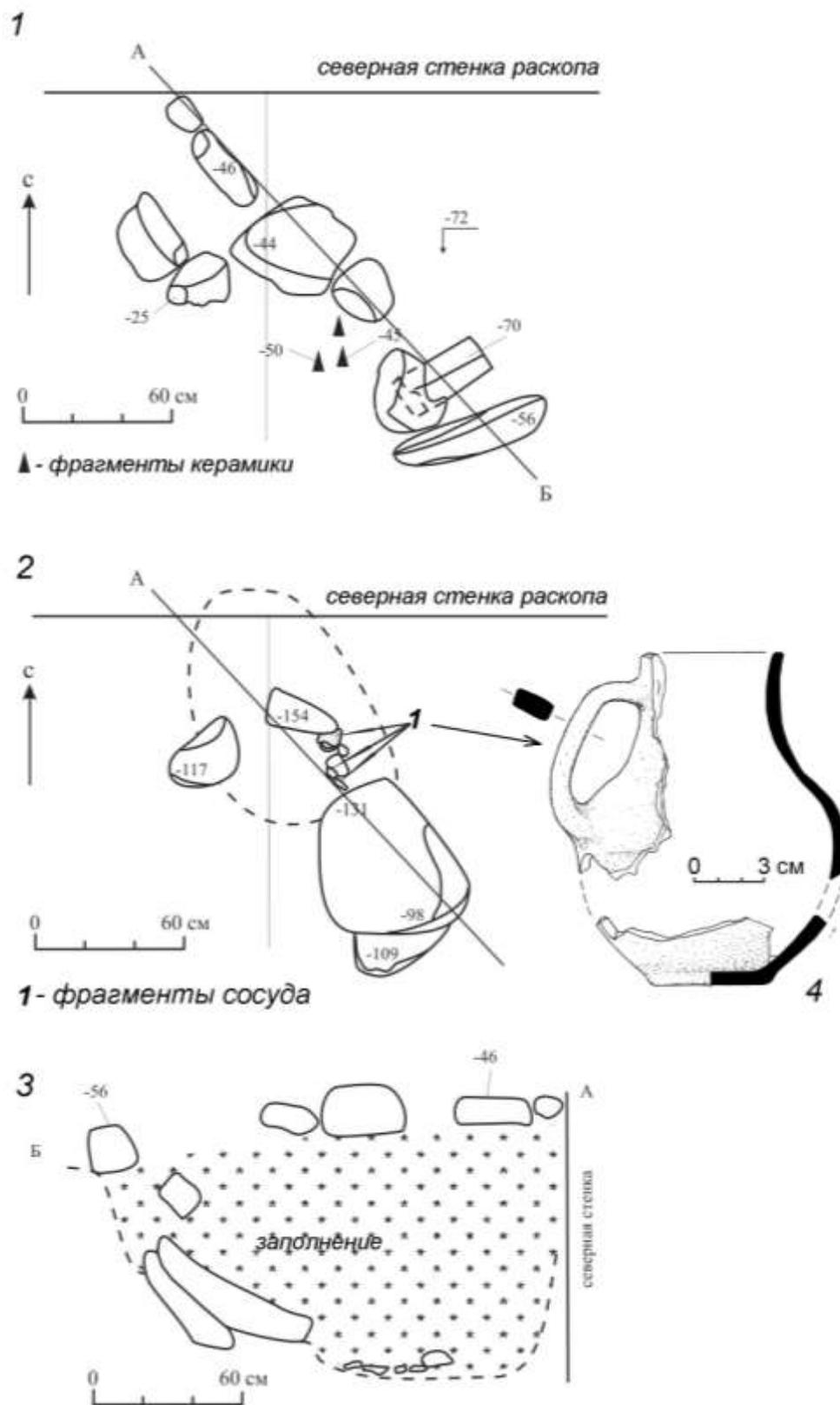

Рис. 7. Раскоп 1. Комплекс 1: 1 – верхний уровень; 2 – нижний уровень; 3 – разрез по линии А-Б; 4 – керамический кувшин.